

дворянскую литературу XVIII века, которую поэтому и изучать не следует, исследователи 20—30-х годов, вооруженные историко-диалектико-материалистическим методом, научились различать сложную борьбу классово обусловленных идеологических воззрений, а иногда даже и систем. Для них стало ясно, что русская литература XVIII века не представляет литературы одного только дворянского класса или механической суммы литератур (или «литературных слоев», как говорил П. Н. Сакулин) разных классов русского общества, а является отражением сложного процесса формирования «чиновничье-дворянской монархии XVIII века» (Ленин) с характерной для этого процесса борьбой дворянско-помещичьей и демократической идеологий.

Это крупное достижение тогдашнего литературоведения заставило исследователей сосредоточить свое внимание на таких явлениях, как литературные памфлеты, пародии, полемики XVIII века, как рост демократических тенденций в литературе этого периода, как подготовка, а затем и появление первого русского писателя-революционера, Радищева.

Благодаря этому было преодолено (также оставшееся в наследство от буржуазного литературоведения) положение об абстрактном характере русской литературы XVIII века, о ее оторванности от жизни, с одной стороны, и о ее верноподданнической, сплошь монархической направленности. В «подобострастных», прославляющих монархов одах были обнаружены особые формы проведения определенных, большей частью прогрессивных идей. В трагедиях были открыты явные черты политической борьбы. Казалось бы, «общечеловеческим порокам» посвященные притчи, как выяснилось, отражали опять-таки намеки на политические и общественные события. Сатирическая журналистика 1769—1774 годов перестала рассматриваться как верная союзница Екатерины II, «либеральной монархии», «ученицы философов-просветителей». Это стремление показать политическую суть литературы XVIII века, отчетливо проявившееся в печатных работах исследователей в конце 30-х годов и в части их трудов, тогда же подготовленных, но опубликованных уже после войны, особенно расцвело в истекшем десятилетии.

Усмотренная исследователями связь литературы XVIII века с современной ей действительностью, с политическими и социальными событиями и процессами, естественно привела к тому, что прежде, в 20-е годы, решительно еще оспаривавшаяся кое-кем из литературоведов необходимость изучения литературного развития в зависимости от истории обществен-